

Творческая Мастерская научной фантастики

Красковский Д.

АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ

(Продолжение. Начало см. в № 1, 2019)

ВИТАМАНЦЕР

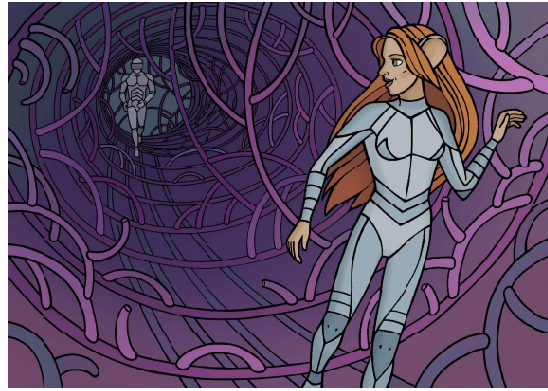
Ярла, или как ее называли в эпоху Конфедерации, Джарла, – маленькая, неприметная звездная система. Если можно так выразиться, «блудный сын» земной цивилизации. Эль постарался вытянуть всю информацию о ней из обширной «информационной кладовой» «Мирона» и даже не поленился отправить запрос в Информаторий, так что, насколько мог, был в курсе. Прародителями жителей Ярлы были земные колонисты еще досветовой эпохи, энтузиасты, отправлявшиеся в никуда, зная, что назад никогда не вернуться. На огромных кораблях-матках, почти мини-планетах, за время полета сменялось несколько поколений, пока, наконец, в зоне досягаемости бортовых локаторов не появилась пригодная для жизни планетка. Так была колонизирована и Ярла, но вскоре после обмена первыми радиосообщениями, каждое из которых «ползло» к Земле несколько лет, связь была потеряна. Колония считалась «погасшей», во время Большой Войны оказались утерянными даже ее координаты, и лишь сравнительно недавно Ярла была совершенно случайно обнаружена вновь одной из торговых групп. Колония оказалась на удивление развитой – «кокон Жюффо» класса защиты не ниже третьего, – но и столь же на удивле-

ние недоступной для контакта. Доступ внутрь обитаемой планетной системы был полностью перекрыт силовыми полями, и только на самой внешней планетке, не прикрытой защитой, удалось обнаружить нечто вроде коммуникационного пункта. Нельзя сказать, чтобы полученная здесь информация была щедрой, – скорее, лишь основные сведения, специально сформулированные для посетителей на межлингво, Едином Земном и еще на трех-четырех чужих языках. Из нее следовало, что Ярла представляет собой что-то вроде единой информационной системы, жители которой общаются друг с другом, непосредственно обмениваясь мыслями, образуя как бы ячейки гигантского супермозга и препоручив все остальные заботы кибер-слугам. После этого в сводке Информатория шли маловразумительные строки цифр, отражающих энергетические и финансовые балансы Ярлы за прошедшие годы, и этим имеющаяся информация исчерпывалась.

– Не густо, – с досадой подумал Эль. Возможно, Гайя смогла бы добавить что-нибудь еще, но времени на радиообмен не было. Гайя отчалила уже месяц назад, направляясь на своей лодочке куда-то в район туманности Яслей. Эль не расспрашивал ее, зачем. Не видел в этом особенного смысла. Гайя была ему симпатична, и те полгода,

которые они провели вместе на борту «Геракла», казались Элю незабываемым, чудесным сном. Но все хорошее, увы, заканчивается слишком быстро. Впрочем, Эль на этот счет и не обольщался, стараясь не тешить себя напрасными надеждами, хотя и пытался в быстрых Гайиных взглядах уловить хотя бы тень... чего именно, Эль и сам не представлял себе. На прощание Гайя одарила его своей очаровательной улыбкой и оставила самодельный прямо-передатчик, с помощью которого можно было в любой момент связаться с ней, не прибегая к услугам единой системы связи «ДальКосмос». Передатчик, которым Эль с тех пор так ни разу еще и не воспользовался...

Первые два-три дня Эль готов был взвыть от одиночества и странной, не знакомой ему тоски, словно в душе и сердце образовалась бездонная пропасть, заполненная черной пустотой, такой же, как за бортом. Он попробовал было отвлечься интенсивной работой и вместе с «Мироном» засел за расшифровку лурианских хроник, дабы расшифровать некоторые сведения, добытые совместно с Гайей из бортового мозга сухогруза, – это помогало, но ненадолго. В его снах она снова была рядом, Эль слышал ее чарующий нежный голос, любовался золотом ее волос. Элю хотелось обнять ее, крепко прижать к себе, взяв на руки, как тогда, в первый день их встречи, а она убежала от него по спиральному коридору лурианского корабля, и ее звонкий, как серебряные колокольцы, смех метался среди обгорелых, пустых стен. – Ну, где же ты, догоняй меня! – и от ее улыбки, казалось, отступали серые тяжелые сумерки заброшенного сухогруза. Эль делал шаг, и вязкая тьма обрушивалась на них со всех сторон, опутывала тысячей невидимых паутин. Эль пытался вырваться, прийти к ней на помощь – и просыпался в своем стянутом фикс-поясами гамаке, чтобы снова и снова осознавать свое одиночество. И все-таки он не нажимал кнопку вызова. Если она решила уйти, лучше мучиться самому, чем досаждать ей, – Эль считал это наиболее правильным решением. И в угрюмом молчании мысленно запрашивал у «Мирона» очередной фрагмент

переведенного текста, чтобы скрасить время до следующего сна, одновременно жаждая его и боясь последующего пробуждения. До того самого дня, когда «Мирон» зафиксировал пришедшую с Ярлы знакомую триаду аварийного «SOS»...

Просьба о помощи, регулярно повторяемая через каждые пять минут, поступала с внешней планеты. По всей видимости, это был стандартный радиомаячок, какие входят в индивидуальные спас-комплекты. Если так, то его владелец мертв или серьезно ранен и не способен ответить на радиовывоз, так что подробности можно было выяснить только непосредственно на месте. Второе из двух предположений заставляло спешить и действовать настолько быстро, насколько позволяла осторожность. Эль пришвартовался вблизи запеленгованного «Мироном» источника аварийного сигнала и, приказав «Мирону» с максимальной внимательностью лоцировать окрестности корабля, выбросился наружу, не заботясь о давлении воздуха в шлюзе. Основательный толчок в спину – атмосферное давление на планетке едва достигало трети земного, установленного на борту – подтолкнул Эля к затянутому перламутровой пленкой овалу входа в Коммуникатор. Эль, зная по добытому в Информатории описанию местные правила, смело шагнул в нее, проталкиваясь сквозь упругую, будто резиновую, переливающуюся муть.

Коммуникационный зал, когда глаза после мельтешения перламутровых пятен адаптировались к ровному бело-фиолетовому освещению, выглядел заброшенным и достаточно давно. Морщась от заунывной монотонной мелодии, гудящей то ли в ушах,

то ли в самом мозгу на два голоса, Эль направился вдоль ряда кресел, стоявших напротив зияющих в пластиковой стене овалов коммуникационных амбразур, туда, откуда доносился сигнал. В одном из кресел что-то блеснуло. Эль бросил взгляд в его сторону и вздрогнул: в кресле и на полу под ним беспорядочной грудой лежали пожелтевшие кости, а в амбразуре торчал зажатый маской коммуникационного адаптера череп. Впереди виднелся еще один скелет, обтянутый лохмотьями истлевшей куртки с эмблемой торговой ассоциации «Колос», обслуживающей колонии в ближайших трех звездных секторах, еще не рассыпавшийся и прильнувший к амбразуре, а чуть дальше – еще один. Эль осмотрелся и спросил у «Мирона» сведения о внешней обстановке. Получив стандартный мыслеоответ «Все спокойно», Эль несколько приободрился: для его искусственного тела большинство смертоносных воздействий, будь то яды, бактериальное или вирусное заражение, излучения, даже вакуум, были не страшны, а прочность его достаточна для защиты от механических повреждений, не хуже скорлупы дальскафандра. На всякий случай он переключил зрение во вседиапазонный режим, не считаясь с мелкими неудобствами вроде утраты цветового видения и неприятных ультрафиолетовых проблесков сквозь инфракрасную засветку, и выяснил, что в радиусе, по крайней мере, прямой видимости нет ничего опасного. Отключил ультрафиолет, прислушался, наклонив голову, к очередной трели «SOS», чтобы убедиться в правильности направления, и потопал дальше. Впрочем, было ясно, что здесь помогать уже некому.

Добравшись до источника сигнала, Эль понял, что в этом не ошибся. С трудом втиснутое между поручней кресла тело полакрона уже начинало разлагаться: узкое коническое рыло этой разумной ящерицы было целиком затянато маской, суставчатые щупальца свисали до самого пола, а на шейном кольце пульсировал, расходуя последний ресурс батареи, аварийный маячок, должно быть, автоматически включившийся еще в момент смерти владельца. Эль хмыкнул: не коммуникатор, а какой-то склеп! Он

снял маячок, выполняющий заодно функции «черного ящика» и фиксирующий последние мгновения жизни владельца, отключил его, выдавив предохранитель, и не глядя сунул в карман комбинезона. Особого желания продолжать осмотр местных «достопримечательностей» у него не было: правила предписывали направиться теперь в ближайший крупный космопорт, сдать властям рапорт и маячок, а дальше здесь будут копаться эксперты полиции Анклава. Эль повернулся к выходу, но краем глаза заметил еще что-то, блеснувшее у самого пола. Аккуратно разжав скрученное в судороге щупальце, он извлек тускло поблескивающий кристалл пси-письма, оборванного на середине заполнения. Эль перебрал «Мирону» его содержимое и, с трудом продираясь сквозь похожие на колючие заросли поливариации образов и чувств чужеродного сознания, попытался понять смысл адресованного в никуда послания. С превеликим трудом отыскав в письме нужную нить (мышление полакрона подобно многозадачной вычислительной среде, и он может «думать» одновременно по десятку разветвляющихся и взаимопересекающихся направлений), Эль в сопровождении всплывающих из подсознания подсказок «Мирона» последовал по ней, пытаясь выявить главное.

В торопливо-испуганной мешанине мыслеобразов сложно было понять что-то наверняка, но похоже было, что вся Ярла по уши влопалась в большую проблему. Соваться в самое пекло Элю откровенно не хотелось, но другого выхода не было: выяснить что-то определенное можно было только через коммуникатор. Эль отыскал свободную амбразуру, убедился, что она все еще (как ни странно) работоспособна, дал «Мирону» команду фиксировать в памяти все полученные им, Элем, внешние впечатления и прижался к маске, ожидая, когда ее адаптивный биопластик в достаточной степени плотно охватит голову, а щупальца пси-контактов установят связь с УИМом. Послышалось тиканье таймера, отсчитывающего секунды до входа в Сеть, из невидимого «сбоку» поплыли колышущиеся полосы – коммуникатор калибровал сигналы, – полыхнула стар-

товая зеленая зарница, и Эль на мгновение перестал осознавать свое существование...

Мгла. Пыльная серая завеса или, скорее, марево над выжженной дотла почвой. Где-то далеко за горизонтом ухает разрыв, и в небо устремляются фиолетовые иглы аннигиляционной вспышки. Твердь под ногами дрожит и раскачивается, словно палуба корабля, а в электромагнитном диапазоне настоящий шторм. Эль машинально закрыл лицо рукавом.

Неужели снова война? Или еще не закончилась та, давняя? Эль мучительно напрягал свою память. Увы, только обрывки. Жалкие крохи чувств, мыслей, воспоминаний... Странно. Он совершенно один – ни нападающих, ни обороняющихся. Ни врагов, ни друзей. Ни одного выстрела или взрыва – только за горизонтом периодически ухает, заставляя дрожать каменистую почву. Как театральная декорация или, точнее, звуковизуальное оформление за сценой. И тело: странно – это не боевая машина. Это старый добрый «Катран». Хрупкий, – не удивительно, что вибрации так чувствительны. Точно, он самый! Вот и едва заметный шрам на левом запястье: пластиковая кожа была разорвана слишком сильно, и Виталик заваривал ее прямо на месте, в шахте. Или Василий?

Эль огляделся: кругом все та же пустошь. Выжженная, курящаяся серой пылью, побитая воронками равнина. Только у самого горизонта вроде бы что-то виднеется в просвете между черными скалами. Надо идти туда. Воздух тяжелый и вязкий, словно сироп. Звуки шагов плывут, как на магнитофоне с «севшей» батареей. Может быть, это только сон?

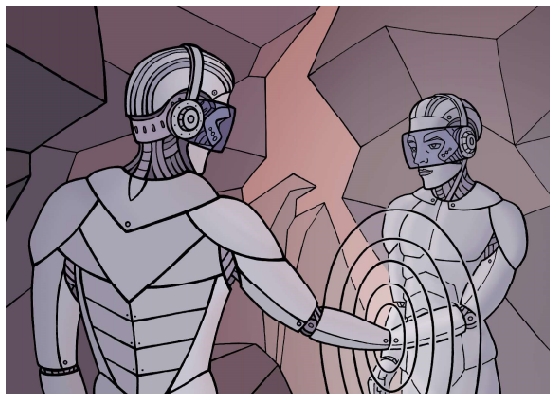
Эль останавливается и снова осматривает себя. Как узнать, сон это или явь? Вспомнив поговорку, щиплет себя за руку совсем рядом со шрамом. Больно. Значит, это реальность? Или боль ему тоже снится? Есть только один способ понять, что спишь, – проснуться. Но не получается, не удается сбросить с себя невидимые путы. Изнутри что-то словно подталкивает в спину: вперед! Только вперед!

Эль приближается к цели, не обращая внимания на разрывы и вспышки, которые все так же остаются вдали, отодвигаясь вместе с самим невидимым горизонтом. Перед ним узкое ущелье, или, вернее, пролом в скале; грубые сколы и грани черного с блестками камня не выветрелые, будто пролом сделан только вчера. Эль взбирается на груды глыб, сброшенных оползнями и нагроможденных у входа в пролом. Опа-на! Ущелье короткое, всего с полсотни метров, и на противоположном его конце четко выделяется черная двуногая фигурка. Человек. Без скафандра? Или такой же киборг? Сознание пытается дорисовывать увиденное, и очень трудно отсечь реальное от домысленного. А сейчас важно понять именно реальность, если только она возможна во сне.

Противник (это более вероятно) не двигается с места и не проявляет агрессивности. Похоже, что он безоружен. Как и сам Эль. Эль делает шаг навстречу – черная фигурка повторяет его движение. Еще шаг... Кажется, чужак не собирается нападать. Что ему надо? Мир сузился до усыпанной щебнем тропинки. Еще шаг, еще... Эль останавливается и осматривает чужака вблизи. Тот тоже замирает в неподвижности.

Ну да, это тоже «Катран». Той же самой модели, что и Эль. Привет, коллега!

Эль медленно, стараясь не дать повода к агрессии, протягивает вперед раскрытую ладонь. В ответ столь же медленно тянется ладонь чужака. Пальцы соприкасаются, и вдруг вместо рукопожатия одна рука плавно погружается в другую. На ощупь – как плотная, упругая резиновая пленка, вроде той, что на входе в Коммуникатор. Эль при-

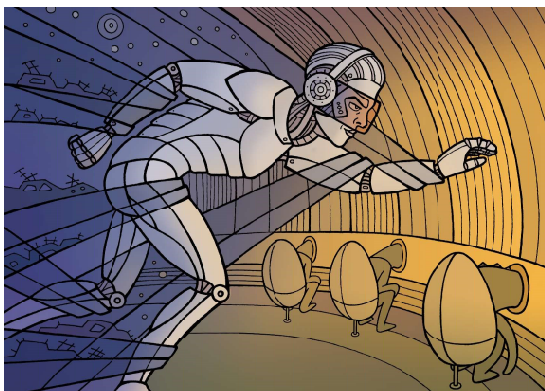

двигается ближе, срастаясь со своим двойником, секундное усилие, – и, пройдя сквозь него, вываливается в пустоту.

Мгла. Серая пыльная муть над каменной пустошью. Только на горизонте черные скалы и узкий просвет между ними. И где-то за горизонтом еще одна фиолетовая вспышка, сопровождаемая уханьем взрыва...

Сколько прошло времени? Где он? Или даже, может быть, кто он? Эль устало обхватил руками колени. Бессчетное число раз он пытался штурмовать невидимые стены. И всегда с одним и тем же результатом: куда бы он ни шел, везде сталкивался только с самим собой. А потом его снова и снова выбрасывало на прежнее место. Огромная клетка. Или, точнее, Закольцованный Мир: кусок пространства, замкнутого само на себя и потому «выпавшего» из Вселенной. Эль посмотрел вверх, на дымное, подсвечиваемое сизыми зарницами небо. Жаль, «Катран» не снабжен реактивным ранцем или чем-то в этом роде: проверить бы, закрыт ли выход и сверху?

Эль закрыл глаза. В памяти такая же выжженная дотла пустота. И в душе тоже. Только одна мысль, одно воспоминание ноет, как заноза, не дает покоя. Но чуть попытаешься сосредоточиться – ускользает, не дается, теряется в серой мгле, затянувшей мозг. Что-то очень важное. То, от чего зависит спасение из этой невидимой клетки, а может быть, и сама жизнь. Но что? Только раз мелькнуло перед мысленным взором нечто подобное... Эль не мог подобрать ассоциаций. Какой-то маленький силуэт. Какая-то птица, имя которой не сохранила память. Почему птица?

Размеренное, как часы, уханье разрывов за горизонтом... С ума можно сойти! Или уже некуда?..

Эль вздрогнул. Что-то неуловимо изменилось в окружающем его мире. И это «что-то» сработало как предупреждающий звонок для измученного монотонностью мозга. Эль не сразу понял, в чем дело. Вот оно что – ритм «закулисных» взрывов стал другим, более учащенным, словно пульс при волнении. Фиолетовое свечение плывет, переливается в наполненном пылью воздухе, заставляя скалы на горизонте колыхаться наподобие фруктового желе. Или это сам окружающий мир сминается в складки, превращаясь в бессмысленную мешанину пятен?

Еще мгновение, и неверная, смазанная серо-фиолетовая картина рвется, словно истлевшее полотно. Зеленые трещины множатся, раздирая небо, дробя скалы. Мир расплывается на куски, и Эль медленно, невообразимо тяжело выползает из ставшего тесным пространства, подобно линяющей змее.

Бело-лиловый свет режет глаза, сквозь него проминается темное, расплывчатое пятно. Мозг с трудом начинает воспринимать обрывки звуков. Тряска, словно в лихорадке. Или это кто-то тормозит его, трясет, крепко схватив за плечи. Сквозь поток звуков Эль слышит свое имя, и оно становится своеобразной «точкой отсчета» в настройке восприятий.

– Да проснись же, проснись! – голос неясный, но такой до боли знакомый... Эль сморгнул: зрение, наконец, начало приобретать прежнюю остроту, расплывчатые пятна обретали резкость. Это прелестное, милое личико... Огромные, бездонные озера глаз... Влажные от слез щеки... Звездная гостья – кто она? Память отказывается служить, кажется, вот еще чуть-чуть, и Эль вспомнит ее, но мысль ускользает, теряется...

– Гайечка?! – осознание, приходящее, как вспышка, как взрыв внутри самого себя. Как магический пароль: перед глазами чередой поплыли воспоминания – от момента их расставания и назад, в прошлое.

Эль тупо глядел на обвисшую маску коммуникационной амбразуры. Гайя, уткнувшись ему в плечо, беззвучно плакала. Уте-

шать он не пытался: после всего произошедшего такая разрядка ей, наверное, необходима.

– Ну зачем же ты туда полез? – она все еще всхлипывая, вытирала платочком мокрые от слез щеки. – Зачем?

Эль молча передал ей кристалл. Гайя покачала его на ладони: в отличие от киборга она не могла считать его содержимое, не прибегая к услугам специального проектора.

– Ведь Ярла – это мертвая планета! Ее стараются обходить стороной даже в официальных сводках! Ты что, не знаешь?!

Эль отрицательно покачал головой.

– Разве... – он попытался что-то сказать, но Гайя, перебив его, быстро и сбивчиво затараторила на родном наречии. «Мирон» попытался было выполнять синхронный перевод, но Гайя, опомнившись, смолкла. И через мгновение продолжила уже на межлингво:

– Я была здесь пару десятков лет назад. Тогда они были еще живыми...

Эль слушал ее нежный, срывающийся от волнения голос, и перед его мысленным взором проплывали картины описываемых событий. Так, словно он видел все своими глазами, – или, может быть, мертвая планета все же передала ему какую-то информацию, – ведь Эль на несколько дней стал ее частью?

«Сердцем» Ярлы с самого основания колонии стала компьютерная сеть. Сначала примитивная, с переброской друг другу текстов и прочтением их с экранов персональных мини-машин. Позже – голосовая. Потом, как и на Земле в свое время, виртуальная. Но Земле помешала война. Ярла же развивалась все большими темпами. Очень скоро ярлианцы создали машины, подключаемые непосредственно к мозгу и работающие сразу с цельными образами. Это было очень сложно: ведь нужные образы должны изначально иметься в сознании, а по сети передаются только их вызовы, своего рода «маркеры». Поэтому первое время бывали случаи, когда адресат «видел» совсем не то, что ему передавали. Или не совсем то...

Спасло единообразие в обучении по одной и той же для всех школьной программе: запомненные образы оказывались более или

менее стандартизированными. Позже обучение заменили простой «накачкой» мозга информацией, и жители Ярлы превратились в абсолютно идентичные копии друг друга в смысле мышления. Изменился и их образ жизни: колонисты все больше времени проводили в созданном компьютерами виртуальном мире, сидя в индивидуальных креслах-коконах под паутиной информонитей. В реальном же мире все чаще хозяйничали роботы – самоорганизующиеся киберы и дистанционно управляемые через виртуальную реальность телеботы. И вот, наконец, настало время, когда Ярла целиком ушла в виртуальность. Колонисты поколение за поколением жили там в иллюзорном зареалье, а машины – автономные электронно-механические няньки – заботились об их телах, погруженных в капсулы с иммерсионной жидкостью и подключенных к системам жизнеобеспечения. «Лишние» органы атрофировались на удивление быстро – колонисты, ставшие теперь лишь ячейками супермозга размером с целую планетную систему, представляли собой комки протоплазмы, оплетенные нитями подключения к сети и неспособные ни к чему, кроме как мыслить. Остальное – дело машин. Собственно, вся Ярла стала единым разумным сверхсуществом, наделенным мощнейшим интеллектом.

Когда произошел Великий Перелом, неизвестно. Как неизвестно, почему и как. Может быть, виртуальная система Ярлы, бывшая до того лишь сетью связи между колонистами, вдруг каким-то образом осознала себя как личность. Как индивидуальное разумное существо, в котором колонисты были лишь чем-то вроде нервных клеток. Они жили в виртуальном мире, но теперь и виртуальный мир жил в них самих.

Это было началом конца. А впрочем, может быть, он наступил и раньше – когда была утрачена индивидуальность личностей. Ни одна система не способна сама по себе породить информацию – мысли, образы, чувства. Ярла от рождения знала лишь то, что знали ее «нервные клетки». Но любое разумное существо не способно жить в информационной пустоте. Оно будет ис-

кать новые впечатления, жадно впитывать в себя любую информацию, случайно оказавшуюся в зоне досягаемости. Для Ярлы, наглухо «упакованной» в кокон защитных полей, единственным источником такой информации стал Коммуникатор – и те его посетители, кто по неведению подключался к амбразурам. Теперь уже никто не узнает – дочиста ли Ярла «высасывала» содержимое памяти попавших в ее цепкие щупальца, опустошая мозг несчастных? Или она просто подключала их к себе в качестве новых «ячеек памяти»? Но, похоже, Эль первый, кому удалось вырваться из «виртуальной клетки». Благодаря Гайе – он с благодарностью посмотрел на нее.

– А тебе самой-то как это удалось? – спросил Эль, когда Гайя закончила свое повествование. – Войти в виртуальный мир Ярлы, не став при этом его рабыней, а потом вытащить меня. Ведь это же ты разбила зеркальные стены? Разве не так?

Гайя посмотрела Элю в глаза.

– Я не подключалась к сети. – Ее взгляд был очень серьезным и... растерянным. – Нашла тебя здесь в кресле, прилипшим к этой дьявольской маске. Я думала, что ты спишь, потом боялась, что ты умер. Звала тебя, умоляла вернуться из этого «ниоткуда»...

– А как ты узнала, что я здесь?

– Не знаю... В какой-то момент мне показалось... я почувствовала, что нужна тебе. Очень нужна. Меня словно звало что-то, хотя я и не знала куда. Прыгнула через подпространство наугад... а потом увидела на экране локатора планетку Коммуникатора и твой «Геркл»...

Эль притянул ее к себе, чувствуя тепло ее дыхания. Он начинал понимать, *что* произошло с ним там, в виртуальной глубине. Ярла, может быть, сама этого не осознавая, «разгрузила» его сознание от многочисленных наслоений мыслей и воспоминаний, которыми он, Эль, пытался отгородиться от действительности. Ярла показала ему самого себя, такого, каким он был на самом деле, а не хотел казаться себе и другим. Пустота и одиночество, которыми была наполнена его душа после разлуки с Гайечкой, – вот та пустыня, которая стала его невидимой тюрьмой. И на мгновение он вспомнил, четко увидел тот непостижимо ускользавший от сознания образ: парящая высоко в небе быстрокрылая ласточка, несущая в клюве – не золотую, не серебряную, не бриллиантовую, – а самую обыкновенную, живую веточку ландыша. Вечный символ возрождения – природы, жизни, – и души...

(Окончание следует.)